

РОССИЙСКАЯ ЮСТИЦИЯ

Журнал основан в 1922 г.

№ 12 (декабрь 2018 г.)

КРИТЕРИИ СУЩЕСТВЕННОСТИ
В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О ВНЕШНИХ СВОЙСТВАХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
И ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА
ПО ДЕЛУ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ГРАЖДАН

ОБЗОР СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ,
ФЕДЕРАЛЬНЫХ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И МИРОВЫХ СУДЕЙ В 2017 ГОДУ

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СУБЪЕКТИВНЫЙ АСПЕКТ

Г.В. СТАРОДУБОВА, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовного процесса Воронежского государственного университета

Ключевые слова: пострадавший, потерпевший, волеизъявление, функция, обвинение, уголовное преследование, защита прав и интересов.

В статье анализируется роль волеизъявления пострадавшего от преступного посягательства при принятии решения о возбуждении уголовного дела; указывается на некорректность использования в ст.ст. 20 и 24 УПК РФ термина «потерпевший». Рассматривается вопрос о признании лица потерпевшим при его возражениях против такого решения. В виду публичности уголовного судопроизводства делается вывод о возможности вынесения данного постановления. Анализируется проблема характера деятельности потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Потерпевший, прежде всего, заинтересован в возмещении ему вреда, причиненного преступлением. Это возможно как при постановлении обвинительного приговора в отношении виновного, так и без него, что лежит в основе института прекращения уголовного дела в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим. Кроме того, потерпевший имеет право на собственную позицию по поводу предъявленного обвинения, его полноты и обоснованности. Всё это обуславливает вывод о недопустимости требовать от потерпевшего выполнения функции уголовного преследования, хотя законодательно он отнесен к стороне обвинения.

The role of will of the victim of criminal encroachment at making decision on initiation of legal proceedings is analyzed in article; it is pointed out incorrectness of use in Art. 20 and 24 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of the term «victim». The question of recognition of the person by the victim at his objections against such decision is considered. In a type of publicity of criminal legal proceedings the conclusion about a possibility of pronouncement of this resolution is drawn. The problem of nature of activity of the victim in criminal legal proceedings is analyzed. The victim first of all is interested in compensation to him the harm done by crime. It is possible both at the resolution of a conviction against the guilty person, and without it that is the cornerstone of institute of the termination of criminal case in connection with reconciliation of the defendant with the victim. Besides, the victim has the right for own position on an occasion of the brought charge, its completeness and validity. All this causes a conclusion about inadmissibility to demand from the injured performance of function of criminal prosecution though legislatively it is carried to the party of charge.

Keywords: sufferer, victim, will, function, charge, criminal prosecution, protection of the rights and interests.

Одним из аспектов нормативно закреплённого значения уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 29.09.2010 № 17

(в ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», давая разъяснения законодательства, включая это положение, отметил, что обеспечение потерпевшему от преступления возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами является обязанностью государства.

Потерпевший как процессуальная фигура современного уголовного процесса наделяется довольно большим объемом возможностей для защиты своих интересов. Причем следует говорить как о действиях, имеющих целью возмещение вреда, причиненного преступлением, так и о процессуальной реакции на ущемление прав потерпевшего в ходе расследования, рассмотрения и разрешения по существу уголовного дела. При всем том, что потерпевший, принимая участие в уголовном судопроизводстве, стремится получить, насколько это возможно, компенсацию причиненного ему вреда, расширение его прав содействует привлечению его как заинтересованного лица к всестороннему выяснению обстоятельств уголовного дела и тем самым более успешному решению задач уголовного процесса¹.

Система прав потерпевшего закреплена, прежде всего, ст. 42 УПК РФ. Именно она определяет, что гражданин или юридическое лицо, которому в результате преступления был причинен вред того или иного характера, приобретает статус потерпевшего при вынесении соответствующего постановления следователем, дознавателем, судом. Абсолютно логично и бесспорно то, что данное постановление выносится после возбуждения уголовного дела. В этой связи обращает на себя внимание некорректность формулировок чч. 2 и 3 ст. 20 УПК РФ, согласно которым по общему правилу обязательным условием возбуждения уголовного дела и соответственно уголовного преследования в частном и частно-публичном порядке является заявление потерпевшего или его законного представителя, а также п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, согласующийся с приведенными нормами и устанавливающий недопустимость возбуждения данных категорий уголовных дел без заявления потерпевшего. Поскольку в подобных случаях лицо, которому преступлением был причинен вред, процессуального статуса потерпевшего на момент подачи заявления о возбуждении уголовного дела не имеет, то следует говорить о заявлении пострадавшего как юридическом факте. Этот юридический факт входит в фактический состав, с которым закон связывает принятие решения о начале процессуальной деятельности. Иной может быть ситуация в том случае, если по уголовному делу, возбужденному в публичном порядке, в ходе предварительного расследования возникли основания для изменения квалификации содеянного, вследствие чего уголовное дело перешло в категорию дел частно-публичного обвинения. Толкование того же п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что условием правомерности продолжения уголовного судопроизводства будет наличие в деле заявления потерпевшего или же его незамедлительное получение. И в данном случае речь идет именно о потерпевшем как процессуальной фигуре, наделенной совокупностью прав для защиты своих интересов в связи с причинением преступлением вреда этим интересам.

Таким образом, о волеизъявлении пострадавшего на возбуждение уголовного дела и начало производства по нему УПК РФ дает довольно четкие указания.

¹ Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса / науч. ред. Н.С. Алексеев. Воронеж, 1980. С. 127.

По делам частного и частно-публичного обвинения оно должно быть выражено в соответствующем заявлении. Исключения составляют случаи, о которых говорится в ч. 4 ст. 20 УПК РФ: невозможность уяснить волю пострадавшего из-за его возраста либо состояния здоровья, его «несвободная» воля в силу зависящего состояния и т.д. Соответственно по общему правилу по делам данных категорий подача заявления одновременно означает желание приобрести права и возможности потерпевшего либо частного обвинителя.

Пострадавший может обратиться в правоохранительные органы с заявлением о совершении в отношении него преступления, уголовное преследование за совершение которого должно вестись в публичном порядке. Его заявление не является необходимым условием для принятия решения о возбуждении уголовного дела, но свидетельствует о желании возмещения причиненного вреда.

Законодатель не упоминает о волеизъявлении пострадавшего на приобретение статуса потерпевшего по делам публичного обвинения. Логичным будет вывод о том, что такое волеизъявление предполагается, поскольку если лицу преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, то оно должно желать возмещения этого вреда, желать восстановления своих нарушенных прав и интересов. Тем более такое желание предполагается, если заявление о преступлении исходит от самого пострадавшего.

Остается открытым вопрос о том, возможно ли признание лица потерпевшим против его воли? Причем это лицо может возражать против производства по уголовному делу, но вред не оспаривать ввиду его очевидности, к примеру, если насильственное преступление, результатом которого стал вред здоровью, совершено родственником или близким лицом пострадавшего. Или же лицо может оспаривать и факт причинения ему вреда, а не только возражать против производства по уголовному делу.

Уголовными делами публичного обвинения являются дела о подавляющем большинстве преступлений. Публичность обвинения предполагает, в том числе, возбуждение уголовного дела и производство по нему независимо от воли и желания частных, невластных субъектов, включая потерпевшего. Публичная сущность уголовного процесса, как верно отмечала Л.А. Александрова, «заключается в открытом заявлении государства о своей исключительной компетенции уголовного преследования и обязанности гарантировать соблюдение провозглашенных законов каждым физическим или юридическим лицом»². Исходя из этого, возражения лица против признания его потерпевшим по уголовному делу публичного обвинения не будут являться правопрепятствующим юридическим фактом при принятии следователем, дознавателем либо судом данного решения. Л.Д. Кокорев писал, что «все, кому преступлением причинен вред, должны быть признаны потерпевшими, независимо от их желания»³. Постановлением о признании потерпевшим констатируется факт причинения определенному субъекту, качественные и количественные характеристики этого вреда. Использование процессуальных возможностей, которые дает даже против воли приобретенный статус, остается на усмотрение потерпевшего.

Потерпевший уголовно-процессуальным законом включается в число участников уголовного

судопроизводства со стороны обвинения: в п. 47 ст. 5 УПК РФ перечислены субъекты, входящие в данную группу, включая потерпевшего; ст. 42 УПК РФ «Потерпевший» находится в главе 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения». Сообразно этому в научной литературе указывают на выполнение им функции обвинения⁴. Как отмечает Г.Н. Ветрова, «законодатель как бы изначально определил, что процессуальный интерес потерпевшего объективно заключается в стремлении добиться осуждения и наказания лица, совершившего преступное посягательство. И права предоставляются потерпевшему для того, чтобы он мог данный интерес отстаивать»⁵. М.С. Строгович делал вывод о характере осуществляемой потерпевшим процессуальной функции как об обвинении, обвинительной деятельности. И при этом ученый указывал, что «потерпевший участвует в процессе для того, чтобы защищать свои интересы, нарушенные преступлением, для того, чтобы доказать, что преступление было совершено, что этим преступлением ему был причинен вред, что ответственность за преступление несет именно подсудимый»⁶. Как нам представляется, в данном случае речь должна идти об ответственности виновного за совершение преступления, что соответствует защите интересов потерпевшего и восстановлению его прав.

Нормативная регламентация процессуального статуса потерпевшего, верно отражающего его сущность, не в полной мере укладывается в модели деятельности по осуществлению уголовного преследования. Прежде всего, интерес потерпевшего состоит в защите его прав, нарушенных совершённым в отношении него преступлением, что учитывает законодатель, формулируя в ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства. Для данного субъекта наказание виновного и, тем более, степень его суровости являются вторичными по отношению к возмещению ему вреда, причиненного преступлением.

Для потерпевшего участие в процессуальном преследовании подозреваемого и обвиняемого — это право, но не обязанность. Статья 22 УПК РФ устанавливает, что потерпевший, его законный представитель и (или) представитель именно вправе участвовать в данной уголовно-процессуальной деятельности. Более того, суд может признать обязательным лишь участие потерпевшего в рассмотрении уголовного дела в судебном заседании, но не выполнение им функции уголовного преследования.

В то же время сам факт отнесения законом потерпевшего к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения в правоприменении становится основой для требования от него и его представителя, статус которого является производным от статуса представляемого лица, разделять позицию следователя, дознавателя либо прокурора, поддерживающего государственное обвинение. Практика знает любопытные примеры подобных ситуаций.

Так, государственным обвинителем в судебном заседании было заявлено ходатайство об отстранении

⁴ См., напр.: Аширбекова М.Т. Права и законные интересы потерпевшего: общее и особенное в нормативном обеспечении // Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства: монография / под ред. Н.С. Мановой. М., 2016. С. 19.

⁵ Ветрова Г.Н. Субсидиарное обвинение и принцип состязательности // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3 (94). С. 33.

⁶ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 255.

² Александрова Л.А. Публичность как основание уголовно-процессуального права. М., 2007. С. 24.

³ Кокорев Л.Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе / под ред. проф. В.Е. Чугунова. Воронеж, 1964. С. 14.

представителя потерпевшего от дальнейшего участия в рассмотрении уголовного дела ввиду того, что он выступает на стороне защиты подсудимого, заявляя ходатайства о признании доказательств недопустимыми. Постановлением районного суда данное ходатайство было удовлетворено. Суд мотивировал своё решение тем, что представитель потерпевшего — адвокат И. — на протяжении всего судебного процесса действует не в интересах погибшего В., а в интересах подсудимого С., выступает против обвинения. Им заявлялись ходатайства о признании недопустимым доказательством протокола изъятия вещей С., заключения судебно-медицинской экспертизы, которые являлись доказательствами стороны обвинения и т.д. Во всех заявленных на судебных заседаниях ходатайствах адвокат И. и защитник подсудимого поддерживают друг друга и выражают согласие между собой. В ходе допроса главных свидетелей обвинения И. всячески пытался ставить под сомнение их показания. Из вопросов, поставленных адвокатом И., видно, что им делаются попытки доказать невиновность подсудимого. Также суд в постановлении указал, что в виду действий И. нарушаются требования чч. 1, 2 ст. 15 УПК РФ, а именно, что уголовное судопроизводство должно осуществляться на основе состязательности сторон, функции обвинения и защиты должны быть отделены друг от друга. По данному делу И., являясь стороной обвинения, фактически выполняет функции защиты. Таким образом, И., являясь стороной обвинения, не выполняет свои процессуальные обязанности по поддержанию обвинения и прямо выступает против предъявленного подсудимому обвинения.

Данное постановление было отменено в апелляционном порядке. Суд второй инстанции указал, что вышеприведенные доводы, изложенные в отменяемом постановлении, являются не бесспорными, поскольку потерпевшая и ее представитель вправе заявлять ходатайства в целях установления истины по делу и защиты интересов потерпевшей, в т.ч. в связи с несогласием с предъявленным

обвиняемому обвинением и желанием привлечь также других виновных лиц. Они могут иметь отличное от прокурора своё мнение и это не является нарушением норм уголовно-процессуального закона. При этом потерпевшая и представитель, согласно п. 16 ч. 2 ст. 42 УПК РФ только вправе поддерживать обвинение, а не обязаны⁷.

В этой связи отметим, что нам ближе позиция В.Г. Даева о том, что в уголовном судопроизводстве затрагиваются личные интересы граждан, понесших от преступления моральный, физический или имущественный вред, — потерпевших; они привлекаются или допускаются к процессуальной деятельности для охраны именно личных интересов, что и составляет содержание их уголовно-процессуальной функции⁸. При этом осуществление даже этой функции, не говоря уже об уголовном преследовании, остается на усмотрение потерпевшего. И никак нельзя согласиться с тем, что целью его участия в деле является доказывание виновности подсудимого. Более того, защита прав и интересов потерпевшего и возмещение ему вреда возможны без обвинительного приговора. Эта идея в основе института прекращения уголовного дела за примирением обвиняемого с потерпевшим.

Законодательная модель процессуального статуса потерпевшего вызвала и вызывает дискуссии в среде процессуалистов; отдельные ее элементы или их отсутствие справедливо критикуются. С течением времени эта модель эволюционирует в русле развития всего уголовного судопроизводства. Ее развитие должно продолжаться по заданному вектору — для обеспечения защиты прав и законных интересов потерпевшего.

⁷ Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 1 июня 2017 года (http://vs.jak.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=592 (дата обращения: 03.10.2018)).

⁸ Советский уголовный процесс / под ред. Н.С. Алексева, В.З. Лукашевича. Л., 1989. С. 87.

Список использованной литературы:

1. Александрова Л.А. Публичность как основание уголовно-процессуального права / Л.А. Александрова. М., 2007.
2. Алексеев Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев; науч. ред.: Н.С. Алексеев. Воронеж, 1980.
3. Аширбекова М.Т. Права и законные интересы потерпевшего: общее и особенное в нормативном обеспечении // Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства : монография / М.Т. Аширбекова, В.М. Быков, И.С. Дикарев и др.; под ред. Н.С. Мановой. М., 2016.
4. Ветрова Г.Н. Субсидиарное обвинение и принцип состязательности / Г.Н. Ветрова // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3 (94).
5. Кокорев Л.Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе / Л.Д. Кокорев; под ред. проф. В.Е. Чугунова. Воронеж, 1964.
6. Советский уголовный процесс / Н.С. Алексеев, А.И. Бастрыкин, В.Г. Даев и др.; под ред. Н.С. Алексева, В.З. Лукашевича. Л., 1989.
7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса / М.С. Строгович. М., 1968. Т. 1.